

рядка, но въ извѣстныя времена и часы; Самъ опредѣлилъ святою Своею волею, гдѣ и кто долженъ совершать сіе, дабы все, бывъ совершенно свято и чисто, было благоугодно волѣ Его» ¹⁾).

Вѣроятно, что св. Игнатій, любя духовное пѣніе, самъ составлялъ по обычаю предстоятелей того времени, и пѣсни духовныя. По крайней мѣрѣ извѣстно, что до Павла Самосатскаго (до 265 года) въ антиохійской церкви пѣты были гимны и пѣсни, составленныя во славу имени Христова (*ὕμνοι θεολογοῦντες*); а Павелъ, какъ говорятъ отцы антиохійскіе, запретилъ ихъ пѣть и говорилъ, что эти пѣсни новы и составлены людьми недавними (*ὡς νεωτερες και νεωτερων ανδρων συγγραμματα*) ²⁾).

У яковитовъ есть литургія съ именемъ св. Игнатія, епископа антиохійскаго. Какъ слогъ литургіи—напыщенный и цвѣтистый, такъ и исторія не дозволяютъ усумниться въ томъ, что эта литургія не принадлежитъ мученику богоносцу и названа знаменитымъ именемъ только для того, чтобы была знаменита по крайней мѣрѣ по имени ³⁾. Усилія яковитовъ и подобныхъ имъ людей выдавать свои литургіи, свои слова подъ именемъ великихъ святителей несомнѣнно извѣстны и возбуждаютъ одно сожалѣніе о трудѣ неискренней совѣсти ⁴⁾).

6. **Іустинъ** философъ и мученикъ, не далекій, по словамъ Евсевія, отъ апостоловъ и по времени и по духу; † 166 г. ⁵⁾).

Евсевій ⁶⁾, Иеронимъ ⁷⁾ и Фотій ⁸⁾ упоминаютъ объ Іустиновой книгѣ *ψαλτης*—пѣвецъ. Эта книга не дошла до насъ и намъ остается составлять только вѣроятныя заключенія о ея содержаніи. Слово *ψαλτης* прежде всего вызываетъ мысль о псалмахъ или псалмопѣніи и потому не безъ основанія можно бы положить, что *ψαλτης* св. Іустина означало собраніе псалмовъ, назначенныхъ для извѣстныхъ временъ бого-

¹⁾ Epist. ad Corinth. n. 40.

²⁾ Euseb. H. E. lib. v. c. 28. lib. VII. c. 19, 30.

³⁾ Renaudoti Litur. orient. t. 2, p. 215—266.

⁴⁾ Asseman bibl. orient. t. 3, 17.

⁵⁾ См. о немъ истор. учен. объ отцахъ ц. § 35—40.

⁶⁾ H. E. 4, 18. ⁷⁾ De vir. illustr. ⁸⁾ In Biblioth.

служенія. Но кромѣ того, что въ такомъ случаѣ книгу ψαλτης не для чего было ставить между сочиненіями св. Іустина, памятники древности показываютъ, что въ первыя времена христіанства словомъ ψαλμος, ψαλμα означали не одни псалмы Давидовы, а и всякую христіанскую пѣснь, въ томъ числѣ и пѣснь, составленную христіанскимъ благочестіемъ. Слова υμνοι, υμνολογειν—обыкновенныя для означенія пѣсней во славу Божию, были опозорены языческимъ употребленіемъ, которое означало этими словами и пѣсни въ честь Цереры, Афродиты и другихъ ложныхъ, а иногда и гнусныхъ божествъ. Потому христіанское цѣломудріе, а вмѣстѣ и благоразуміе, употребляло для означенія похвалъ истинному Богу священныя слова—ψαλμος, ψαλμοδεια, или ωδαι, но никогда, или почти никогда, слова—υμνος, υμνολογειν. Такъ видимъ у мужей апостольскихъ, такъ видимъ и у христіанскихъ апологетовъ ¹⁾. Такимъ образомъ книга—ψαλτης св. Іустина—по праву можетъ быть принята за собраніе христ. пѣсней.

Поставленные въ невозможность знать, что на самомъ дѣлѣ было содержаніемъ Іустиновой книги: ψαλτης, представимъ здѣсь свѣдѣнія о богослужебномъ пѣснопѣніи времени св. Іустина, чтобы видѣть, по крайней мѣрѣ, то, что могло быть содержаніемъ сей книги. Во время св. Іустина (во 2 в.), христіане, преслѣдуемые язычниками, утѣшали себя въ уединенныхъ собраніяхъ своихъ пѣснопѣніемъ. Плиній, проконсулъ Виѣннійскій, доносилъ Траяну, что «христіане, въ установленный день, собираются до свѣта, чтобы пѣть между собою стихъ Христу, какъ Богу и обязывать себя священнымъ ученіемъ и опять сходятся для принятія пищи простой и безвредной». Здѣсь—aa) слова: carmen dicere—пѣть стихъ сами по себѣ могутъ быть приняты за совершеніе молитвы или славословія, также какъ за пѣніе хвалебной пѣсни: но въ устахъ Плинія они имѣютъ послѣднее значеніе. На языкѣ язычника очень обыкновенны хвалебныя пѣнія въ честь боговъ или гимны, которые не читались, а были пѣты; у Римлянъ ωδαι—пѣсни называются carmina. Тертуллианъ ²⁾ и Евсевій ³⁾ такъ выражаютъ мысль Плиніеву: «воспѣваютъ Христа, какъ Бога». По словамъ Плинія Христосъ былъ для хри-

¹⁾ См. ниже слова постановленій апостольскихъ, св. Іустина, Тертуліана, Гаія и выше статью объ Игнатіѣ.

²⁾ Apol. c. 2. ³⁾ H. E. lib. 3. Chron. p. 67.

стіанъ предметомъ гимновъ, какіе прилично пѣть въ честь Богу; онъ говоритъ: «поютъ стихъ Христу» и съ языческою совѣстію прибавляетъ: quasi Deo. бб) Слова Плинія показываютъ также, что для пѣнія гимновъ въ славу Христа былъ извѣстенъ опредѣленный день, когда послѣ пѣнія назидали себя еще слушаніемъ ученія. вв) Собранія въ опредѣленный день были и утромъ до свѣта и потомъ «еще собирались, для принятія пищи». Подъ словомъ «пищи» у Плинія безъ сомнѣнія разумѣется св. евхаристія, которая вмѣстѣ съ вечерею любви отправлялась ночью и которая столько подозрительною казалась для нечистаго взора язычниковъ, но сама въ себѣ была, какъ узнаетъ Плиній «пища простая и безвредная». Таково извѣстіе Плинія! Лукіянъ Самосатскій,—языческій комикъ 2 в., много путешествовавшій по Сиріи, Азій, Италіи, часто говоритъ о таинствахъ, совершавшихся при богослуженіи христіанскомъ (*νέα μυστήρια, δειπνα, ποιηλα*), о священныхъ книгахъ христіанскихъ (*Βιβλίων ιερῶν*), о богопоклоненіи, какое воздаютъ христіане Распятому ¹⁾. Гай, пресвитеръ римскій, современникъ св. Іустина и Плинія, писалъ въ свое время (въ концѣ 2 в.), «сколько еще въ началѣ (*απ ἀρχης*) написано вѣрными псалмовъ и пѣсней (*ωδαι*), въ коихъ богословски воспѣвается Слово Божіе—Христосъ ²⁾!» Въ словахъ Гая видимъ, что не только были въ древней церкви пѣсни, но пѣсни сіи преимущественно воспѣвали божество Сына Божія; тѣже слова показываютъ, что пѣсни составлены и писаны были избранными вѣрными; а слѣдов. это были пѣсни, на которыя съ уваженіемъ смотрѣли другіе и слѣд. были книги, въ которыя вносились пѣсни избранныхъ. Итакъ, по отзыву язычниковъ и по свидѣтельству древнихъ христіанъ, во время св. Іустина были церковныя пѣсни и ихъ было не малое число. Однакожъ теперь ихъ не видно. Отчего жъ теперь не видимъ мы пѣсней, современныхъ св. Іустину? Отъ чего не дошла до насъ книга св. Іустина: *ψαλτης*? Отъ чего такъ мало вообще теперь извѣстенъ древній чинъ богослуженія? Древній чинъ богослуженія съ его пѣснями и потому уже могъ остаться для насъ мало извѣстнымъ, что въ первые вѣка христіанства тщательно скрывали отъ людей, не принадлежащихъ къ обществу вѣр-

¹⁾ De origine Peregrini p. 27. ²⁾ Evseb. lib. V, c. 28.

ныхъ, все, что относилось къ богослуженію вѣрныхъ, къ ученію о св. Троицѣ, о лицѣ Сына Божія. Даже въ 4 в. св. Богословъ Григорій назвалъ догматическія пѣсни свои — *τα απορρητα* — тайными ¹⁾. Такимъ образомъ *υμνοι θεολογντες* — пѣсни о Богѣ Словѣ оставались недоступными для многихъ и могли остаться неизвѣстными послѣ внезапной смерти многихъ, умиравшихъ отъ неистовства враговъ Христовыхъ ²⁾. Съ другой стороны неистовство язычниковъ домогалось истреблять и иногда истребляло памятники христіанскаго ученія, между ними и книги церковныя. Особенно во время Декія, Діоклитіана и Юліана много погибло церковныхъ книгъ ³⁾. Тоже дѣлали еретики, особенно аріане и иконоборцы. Присовокупите къ сему, какъ много церковныхъ книгъ могло затеряться отъ времени, особенно когда были замѣнены они новыми, сообразными съ новымъ положеніемъ церкви. Вотъ почему могла не дойти до насъ и Іустинова книга: *ψαλτης* вмѣстѣ съ другими подобными. Впрочемъ, заключеніе, какое слѣдуетъ отсюда вывести, не надобно простирать слишкомъ далеко. Для насъ не существуютъ древнія книги съ древнимъ подробнымъ чиномъ богослуженія: но не самый чинъ богослуженія древняго, по крайней мѣрѣ въ чертахъ общихъ.

Потерю книги *ψαλτης* нѣкоторымъ образомъ дополняетъ намъ Іустинова же апологія, гдѣ изображено нѣкоторыми чертами богослуженіе 2-го вѣка. Въ первой апологіи своей, писанной въ 139 г., св. Іустинъ кратко говоритъ о крещеніи и описываетъ совершеніе евхаристіи, который участни-

¹⁾ Oper. t. 2, p. 162—74.

²⁾ Тертуліанъ говоритъ, что вѣрнымъ ввѣряются тайны подъ условіемъ молчанія. Apolog. c. 7, de praefat. c. 41. «*Ισασι μνημενοι*» — «знаютъ вѣрные»: такъ выражались отцы, говоря о тайнахъ. Origenis Hom. 9, in cap. 16 Levit. n. 10. Athanasius apol. 2, 1, 2, p. 133. Они были крайне осторожны, когда говорили о христіанскомъ богослуженіи, опасаясь, какъ говорили, быть предателями. Лаодикійскій соборъ (пр. 3 и 5), запрещая поставлять въ священство недавно крещенныхъ, прибавляетъ: «хиротоніямъ не слѣдуетъ совершаться въ присутствіи оглашаемыхъ».

³⁾ Euseb. H. E. 8, 2. «A Diocletiano et Maximiano exivit edictum... ut libros deificos peterent de manu episcoporum. Felix Episcopo, da libros membranas, quascunque habes. Felix dixit, habeo, sed non do». Ruinarti acta Martirum sincera p. 376. Тѣ, которые выдавали гонителямъ Церкви книги, называемы были *traditores* — предателями Avgust. de bapt. cont. Donatist. lib. c. VII. c. 2. Аріане, Донатисты и др. тоже дѣлали съ церковн. книгами, что и язычники.

комъ дѣлался въ первый разъ просвѣщаемый крещеніемъ; дабы дать знать, что христіане причащаются не только тогда, когда вводятъ новокрещенныхъ въ церковь, показываетъ снова язычнику, какъ совершалась евхаристія въ каждый день недѣльный. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ описываетъ литургію кратко; мы дополнимъ одно описаніе другимъ.

Въ послѣднемъ случаѣ онъ пишетъ: «потомъ мы всегда вспоминаемъ о семъ между собою (объ обѣтѣ крещенія). Надъ всѣми нашими дарами мы славимъ Творца всѣхъ чрезъ Сына Его Иисуса Христа и чрезъ Духа святаго. Въ такъ называемый день солнца (въ воскресенье) собираются у насъ въ одно мѣсто всѣ, которые живутъ по городамъ и селамъ ¹⁾. Тогда читаютъ памятники апостольскіе и писанія пророковъ, сколько дозволитъ время».

«Потомъ, когда перестанетъ чтець, предстоятель, посредствомъ слова, дѣлаетъ наставленіе и увѣщаетъ послѣдовать тѣмъ превосходнымъ правиламъ. Затѣмъ всѣ вообще встаемъ и совершаемъ молитвы» (§ 67). Выше онъ писалъ: «совершаемъ усердное общее моленіе какъ о себѣ, такъ и о просвѣщенномъ и о всѣхъ другихъ повсюду находящихся, дабы мы достойны были познавать истину и на дѣлѣ были добрыми исполнителями заповѣдей для достиженія спасенія вѣчнаго». «По окончаніи молитвы мы лобызаемъ другъ друга лобызаніемъ любви. Потомъ къ предстоятелю братія приносятъ хлѣбъ и чашу съ водою и виномъ; онъ беретъ и возноситъ *хвалу и славу Отцу всяческихъ именемъ Сына и Духа святаго*; особенно же *благодаритъ* за то, что Онъ удостоилъ насъ сихъ даровъ и продолжаетъ сіе долго» (§ 65). «Предстоятель возсылаетъ молитвы и благодаренія со всею силою усердія *ἁσπ δόναμις αὐτῶ* (§ 67).—Послѣ того, какъ предстоятель совершитъ благодареніе и молитвы, народъ возглашаетъ: аминь» (§ 67).

«Такъ называемые у насъ діаконы каждому изъ присутствующихъ подають пріобщаться хлѣба, надъ которымъ совершено благодареніе, и вина съ водою, а къ небывшимъ относятся на домъ» (§ 65).

¹⁾ Въ разговорѣ съ Трифономъ р. 34. «Въ день солнца всѣ собираются мы: поелику это есть тотъ день, въ который Богъ сотворилъ міръ, преобразивъ мракъ и вещество. И Христосъ Иисусъ, Спаситель нашъ, въ сей день возсталъ изъ мертвыхъ».

«Мы приѣмлемъ сіе не такъ, какъ простой хлѣбъ ни такъ, какъ простое питіе... Мы научены, что пища сія, надъ которою произнесено благодареніе молитвою слова Его, хотя превращаясь въ соки, питаетъ нашу плоть и кровь, есть плоть и кровь воплотившагося Іисуса Христа» (§ 66).

Вотъ описаніе литургіи времени св. Іустина. Оно кратко, но св. Іустинъ хотѣлъ отклонить клеветы язычниковъ, поносившихъ трапезу христіанскую; хотѣлъ показать, какъ свято служеніе христіанъ, какъ благотворна ихъ божественная вечеря, какъ богоугодна вся жизнь ихъ. Къ тому же язычнику онъ не могъ показать таинствъ христіанскихъ въ полномъ ихъ видѣ. Легко замѣтить, что иныя дѣйствія священныя онъ изображаетъ довольно ясно и подробно; другія кратко, дѣлая только намекъ на нихъ. Когда говоритъ о хвалахъ и благодареніяхъ евхаристіи: говоритъ, что священникъ возноситъ благодареніе; въ чемъ же состояли благодаренія и хвалы? какія именно были сіи хвалы? Іустинъ не имѣлъ нужды говорить и не говорилъ о томъ. За то слова Іустина: «пища, надъ которою произнесено благодареніе молитвою слова Его, — есть плоть и кровь» — и сами по себѣ довольно ясныя, вполне объясняются словами св. Иринея и Оригена. Первый пишетъ: «земной хлѣбъ *черезъ призваніе на него Бога* уже не есть обыкновенный хлѣбъ, а евхаристія» ¹⁾. Послѣдній говоритъ: «мы съ благодареніемъ за полученныя благодѣянія и съ молитвою вкушаемъ принесенные хлѣбы, содѣлавшіеся *черезъ молитву* тѣломъ святымъ и освящающимъ» ²⁾.

Въ другой своей апологіи св. Іустинъ писалъ: «не безбожники мы, которые благоговѣнно чтимъ Творца всѣхъ и славимъ Его, какъ научены, словомъ любви и благодаренія, воспѣвая Его со всѣмъ усердіемъ; сію то честь считаемъ мы единую достойною Его; то, что подается намъ въ пищу, не истребляемъ огнемъ, а употребляемъ для себя и для нуждающихся. Выражая предъ Нимъ благодареніе наше, мы совершаемъ словесное торжество и поемъ гимны (*δια λόγου πομπας και ὕμνους περπειν*)» ³⁾. Здѣсь св. Іустинъ а) говоритъ о томъ, чего не сказалъ въ первой апологіи, говоритъ о гимнахъ и показываетъ ихъ самое свойство: подъ словеснымъ торжествомъ разумѣетъ онъ конечно то, что пѣсни свои поютъ христіане

¹⁾ Adv. haeres. 4. 34. ²⁾ Cont. Celsum lib. 8. p. 399.

³⁾ Apolog. p. 60.

въ торжествѣ души и не имѣютъ нужды увеличивать торжества сего пѣнія на орудіяхъ мертвыхъ; языкъ ихъ—цитра благозвучная, и жертва ихъ—жертва духа, который поетъ и славить Господа и молитъ Его одними чувствами сердца. б) Нельзя также не видѣть, что говоря о благодареніи, какое совершаютъ христіане такъ, какъ научены, онъ преимущественно имѣетъ въ виду благодареніе, установленное Господомъ въ воспоминаніе Его, хотя не упускаетъ изъ виду и все вообще богослуженіе христіанское. Итакъ, отсель съ полною увѣренностію можемъ заключить, что въ составъ литургіи времени Іустина входило пѣніе священныхъ пѣсней.

Другой защитникъ христіанства—Тертулліанъ, описывая въ 199 г. тѣмъ же язычникамъ жизнь и богослуженіе христіанъ и кратко изображая литургію ихъ, упоминаетъ и о ношномъ служеніи христіанскомъ.

«Вечера, говоритъ онъ, начинается молитвою къ Богу: вкушаютъ пищу, но не забываютъ, что и ночью надобно быть на молитвѣ; бесѣдуютъ, но знаютъ, что Господь слышитъ все. Когда умоютъ руки *и зажгутъ свѣчи*, каждому предлагается выйти *и пропѣть* что либо во славу Божию, изъ священнаго ли писанія, или что можетъ отъ себя. Въ концѣ вечера также совершается молитва, которою и доканчиваются вечера и всѣ расходятся» ¹⁾.

Въ другомъ сочиненіи, объясняя молитву Господню, Тертулліанъ пишетъ: «мы истинные поклонники, истинные священники; мы, молясь духомъ, духомъ приносимъ въ жертву молитву собственно Божію и пріятную, ту, которую Самъ требуетъ, Самъ предложилъ. Ее должны возносить на алтарь Божій съ благоговѣйнымъ сердцемъ, охраняемую вѣрою, очищенною чистотою, украшенную вѣнцемъ вечери любви, съ торжествомъ дѣлъ добрыхъ, среди псалмовъ и гимновъ» ²⁾.

Въ томъ и другомъ случаѣ Тертулліанъ ясно показываетъ, что литургія второго вѣка совершалась съ пѣніемъ псалмовъ и гимновъ и слѣд. подтверждаетъ заключеніе, какое вывели мы изъ апологіи св. Іустина. Здѣсь даже болѣе видимъ, нежели у Іустина; здѣсь прямо сказано, что христіане не довольствовались пѣснями писанія, а составляли и свои пѣсни.

¹⁾ Apolog. с. 39. ²⁾ De oratione с. 28.

Ночь предъ великими праздниками посвящалась молитвѣ, чтенію и пѣнію. Св. Иринеѣ ¹⁾ и Тертуллианъ говорятъ, что ночь на св. Пасху христіане проводили всю въ торжествѣ и что въ дни пятидесятницы веселились духовно ²⁾.

Такимъ образомъ, не имѣя въ рукахъ Іустиновой книги *ψαλτης*, мы можемъ составить вѣроятное заключеніе о содержаніи сей книги, или о томъ, что могъ воспѣвать учитель Церкви второго вѣка. Сообразно съ нуждами и обыкновениемъ времени она заключала въ себѣ свящ. пѣсни, составленныя во славу имени Христова, каковыми были большею частію древнія христіанскія пѣсни; а можетъ быть вмѣстѣ заключала и наставленія, какъ и въ какомъ порядкѣ надлежало пѣть эти пѣсни при общественномъ богослуженіи.

7. Климентъ (Титъ Флавій), изъ аѳинскаго язычника христіанинъ, александрійскій пресвитеръ и учитель, ученѣйшій и умный защитникъ христіанства, до гроба ревностный читатель философіи, скончавшійся ок. 210 г. ³⁾.

Около 190 г. онъ написаль три книги подъ названіемъ— *наставникъ*— *παιδαγωγος*. Последнюю изъ нихъ онъ оканчиваетъ молитвою къ Слову—Наставнику: «будь милостивъ къ Твоимъ дѣтямъ, Наставникъ Отецъ нашъ, Правитель Израиля, Сынъ и Отецъ, то и другое вмѣстѣ, Господь!» и проч. Молитва славить Отца и Сына и св. Духа. По окончаніи ея Климентъ пишетъ: «поелику же Наставникъ ввелъ насъ въ Церковь (*εις τ. Εκκλησιαν ημας καταστησας*) и соединилъ съ Собою— съ Словомъ, Которое учитъ, надъ всѣмъ надзираетъ: то прилично намъ здѣсь вознестъ хвалу и благодареніе Господу— достойныя Его попечительности». Сіи слова довольно ясно показываютъ, что Климентъ, произнося молитву, представляетъ себя въ Церкви, молится ея голосомъ, повторяетъ ея молитву; слѣд. приведенная имъ молитва есть одна изъ употреблявшихся въ его время церковныхъ молитвъ. Далѣе тѣже слова заставляютъ думать, что благодарный гимнъ, который хочеть пѣть Климентъ, также есть гимнъ церковный. «При-

¹⁾ De pasch p. 342.

²⁾ Lib. 2. ad Uxor. de cor. mil. c. 3. de idolarat. c. 14.

³⁾ Ист. уч. объ Отцахъ § 84—88.